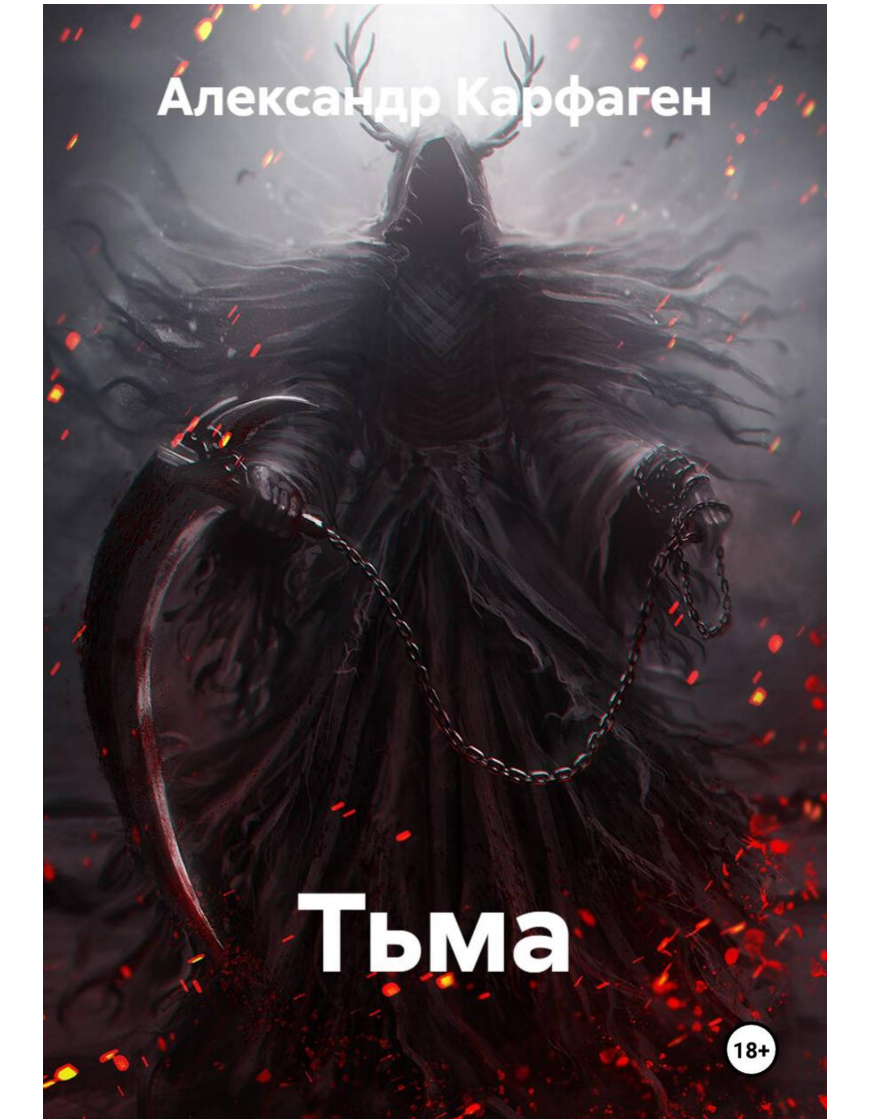

Александр Карфаген

Тьма

18+

Александр Карфаген

Тьма

<https://litres.ru/74608703>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, поглощенном непроглядной тьмой, где солнце стало мифом, а технологии человечества обратились в прах, Мила борется за выживание среди руин цивилизации. Вместе с горсткой выживших она скитается по опустошенным деревням, спасаясь от голода, болезней и безжалостных темных морков — загадочных существ, сеющих хаос и смерть. Но тьма скрывает не только угрозы, но и тайны, которые перевернут её жизнь. Когда судьба сталкивает Милу с Дагоном, предводителем морков, чья красота и жестокость равно завораживают, она оказывается втянута в опасную игру. Любовь и предательство, жертвы и выборы, древняя магия и предначертанная судьба сплетаются в эпической истории, где граница между человеком и чудовищем стирается. Сможет ли Мила найти свет в сердце тьмы, или её душа станет очередной жертвой этого мрачного царства?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	47
Глава 7	54
Глава 8	63
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Александр Карфаген

Тьма

Глава 1

До наступления тьмы и появления армии темных морков я не осознавала, насколько глубокой может быть ночь. В мире, где всегда горели прожекторы и уличные фонари, подсвечивались здания и сияли витрины магазинов, никогда не было по-настоящему темно. Не так, как теперь.

За окнами этого заброшенного магазина, где мы укрылись, тьма такая густая, что я не вижу домов на другой стороне улицы. Даже дорогу не разглядеть. Это вязкая, всепроникающая чернота, поглотившая всё вокруг. Я не могу понять, день сейчас или ночь. Мы давно потеряли счёт времени. Луна, которая могла бы осветить наши страдания слабым светом, тоже скрыта.

Я вздыхаю и отпускаю занавеску, позволяя ей вернуться на место. Нам нельзя смотреть в окна. Нас не должны заметить. Незаметность — наше главное правило выживания. Оно сохраняет нам жизнь уже больше полутора лет.

Именно столько прошло с того дня, когда свет впервые сменился тьмой, а затем она, подобно вирусу, распространилась по всему миру. Началось в Норвегии, потом тьма по-

глотила Швецию, а затем и остальные страны. Дневной свет исчез. Технологии человечества рухнули. Мы голодали, становились жертвами эпидемий, а по миру вспыхивали войны. Всё произошло стремительно, и вскоре нас осталось совсем мало.

Число людей на Земле резко сократилось, и мы были истощены ещё до того, как темные морки пришли завершить начатое. Теперь их армии маршируют по каждому континенту, сжигая города и уничтожая выживших. Они не ищут ничего, кроме нашего конца. Просто и ясно.

Всё, что нам остаётся, — пытаться выжить.

Я стою у окна и оглядываюсь на нашу группу. Четырнадцать человек. Лишь жалкая горстка тех, кем мы когда-то были. Голод — наш главный враг. Мы сталкиваемся с ним каждый день, едва сводя концы с концами. Сейчас это проще, когда ртов стало меньше. Но ещё несколько месяцев назад мы жили за счёт того, что находили в заброшенных домах, магазинах и больницах. Мы грабили всё, до чего могли дотянуться.

Инфекции и болезни тоже не щадят. Они унесли многих. Роды, старость — всё теперь угроза.

Мы вернулись в тёмные века.

— Отойди от окна, Мила, — говорит Зинаида Антоновна, самая старшая женщина в нашей группе. В прежнем мире она была из тех, кто выкрикивал расистские лозунги на базарах и площадях.

Спорить с ней — тратить силы зря. Я киваю и отхожу от стены. Она права: стоять у окна опасно. Мы не можем позволить, чтобы нас заметили — ни темные морки, что рыщут по миру и разрывают нас на куски, ни другие группы. В эти дни никому нельзя доверять. Даже своему племени.

Я сажусь на перевёрнутый ящик у книжной полки в этом маленьком деревенском магазине и пересчитываю свои припасы, разложенные у ног. Четыре банки консервированной красной фасоли — мои любимые — и одна без этикетки. Боюсь, там окажется кошачий корм или тушёнка. Если это корм, я обменяю его на консервированные фрукты, если дойдёт до такого.

Убедившись, что никто не украл мою долю, я расстёгиваю рюкзак и заглядываю внутрь. Мой фонарик насмехается надо мной. Батарейки сели больше недели назад, и с тех пор я не нашла замену. Когда мы пробрались в магазин через заднюю дверь, здесь были батарейки. Но в тот день я дежурила, пока самые медленные из нас забирались внутрь, а потом обходила магазин, проверяя, нет ли чужаков. К тому времени, как я добралась до полки с батарейками, их уже разобрали.

Кто успел, тот и съел.

Я могу обменять свой мощный фонарик на лёгкий, с тонкими батарейками, чтобы получить хоть немного света. Но маленькие фонарики слишком слабы, чтобы пробить толщину тьмы вокруг. Даже здесь, в магазине, я едва различаю силуэты выживших по бокам. Они едят холодные консервы из

вскрытых банок. Я благодарна хотя бы за этот тусклый свет, но скоро и эти фонарики погаснут.

Что бы мы ни делали, это вечная борьба с тьмой.

Я отодвигаю фонарик и засовываю руку глубже в рюкзак. На дне нахожу карандаш и маленькую записную книжку, едва больше моей ладони. Она для заметок, для идей. Не для рисунков. Хотя в последнее время я почти не рисую.

Из тени выходит Алена и садится рядом. Я узнаю её по резкому запаху дорогих духов. Даже в конце света она единственная, кто беспокоится о таких вещах: приятный аромат, блеск для губ, накладные ресницы. Но она милая, и я не хочу, чтобы она уходила.

— Эй, Мила, — говорит она. Я поворачиваю голову, чтобы взглянуть на неё. — У тебя есть абрикосы?

В её руках я смутно различаю банку, но из-за тусклого света не могу прочесть этикетку.

— Вова сказал, что в одном из отделов были консервированные абрикосы, — добавляет она.

Абрикосы... О таком можно только мечтать. Последние вкусные фрукты в этом мире заперты в металлических банках и залиты приторным сиропом.

Я качаю головой.

— Я пришла одной из последних, — отвечаю я. — Ничего не досталось.

Даже прокладки и тампоны исчезли с полок. Поскольку в нашей группе больше женщин — девять против пяти муж-

чин, — менструальные средства могут вызвать настоящую войну. Когда нас было больше, я видела, как одна женщина вонзила нож в спину другой из-за одной-единственной прокладки. Не пачки, а одной. Та женщина умерла, не сразу — от инфекции. Убийцу мы изгнали. Скорее всего, она уже мертва.

Алена вздыхает. Я понимаю, что была её последней надеждой на желанные фрукты. Она открывает банку, и запах помидоров бьёт в нос. Очищенные, без кожицы, не самые аппетитные и сытные из наших трофеев.

Она остаётся сидеть рядом, ест в тишине. Её фонарик даёт немного света, падающего на страницы моей записной книжки.

— В такие ночи я скучаю по Мише, — тихо говорит она.

Я хмурюсь. Миша был примерно нашего возраста, лет двадцати пяти. Кажется, они с Аленой были близки. Может, ближе, чем я думала. Он умер несколько недель назад. Трудно следить за днями, но я веду записи в своей книжке. На последней странице есть календарь. Прошёл примерно месяц с его смерти.

Мы пришли в деревню у реки Оки, шли по главной улице. Все были измотаны, голодны. Солнце, возможно, уже село, но жара всё ещё душила, и волосы липли к вискам, а одежда — к телу.

Те, кто шёл по краям группы, держали слабые фонарики и осматривали двери зданий. Мы искали укрытие на несколь-

ко дней. Не пройдя и половины улицы, мы слышали звук. Тяжёлый, сотрясающий землю, окна и двери. В темноте мы не могли понять, что это и откуда, но звук приближался.

Я была далеко от фонарей, едва видела свою руку. Нащупала за поясом кухонный нож, пальцы дрожали. Тишина была бы абсолютной, если бы не грохот, становившийся всё громче. Затем одно слово прорезало воздух, леденящим страхом сковав мне спину:

— Бегите!

Я не знала, кто крикнул, но мне было всё равно. Я бросила пост и побежала прочь от угасающих фонарей. Каждый теперь был сам за себя. Мы разбежались, как мыши перед кошками.

Осколки стекла разлетелись в воздухе. Упавший фонарь погас. Я врезалась во что-то твёрдое и металлическое — машину, брошенную на обочине. Сердце билось как бешеное. Я упала на землю, забралась под кузов. Рюкзак зацепился, и я дёрнула его изо всех сил, чтобы освободить.

Грохот нарастал, окружал нас. Он бил по земле, как тысяча молотов. Где-то вдалеке гортанный крик разорвал воздух. Мужской, я была уверена. Но никто не откликнулся, не позвал на помощь.

Мы застыли, молчали, надеясь, что это пройдёт, что армия темных морков не найдёт нас. Мне казалось, я провела под машиной часы. Возможно, это были самые долгие минуты в моей жизни, а я ведь пережила апокалипсис, войны,

эпидемии. Тогда я впервые по-настоящему боялась, что темные морки найдут нас и убьют на этой чёрной улице.

Но время шло, и грохот затихал, удаляясь, пока не наступила тишина, нарушаемая лишь нашим хриплым дыханием. Я выбралась из-под машины. В темноте послышалось шуршание — мы двигались, пробираясь к тому, кто кричал.

Это был Борис. Он лежал посреди дороги, окровавленный, изуродованный. Даже при слабом свете фонаря было тяжело смотреть на него. Алена не выдержала — её вырвало прямо на дорогу. Несколько капель попало на мои ботинки, как капли дождя.

Борис был почти мёртв. Он хрипел, едва дышал. Кости сломаны, запястья раздроблены, ноги вывернуты под неестественными углами.

— Лошади, — прохрипел он. — Лошади.

На миг я подумала, что он бредит, унёсся в место, где нет боли. Но потом вспомнила стук, дребезжание окон, его крик и изувеченное тело. Лошади.

— Его растоптали, — сказал Пётр. Сорокалетний мужчина считал себя нашим лидером, альфой. Тогда никто не спорил. Он был прав.

Пётр шагнул вперёд и «избавил Бориса от страданий». Так он сказал, чтобы мы чувствовали себя лучше. Но то, как легко он вонзил клинок в шею Бориса, словно разрезал хлеб, было зловещим. Темнее самой тьмы вокруг, темнее тех частей меня, что я прячу.

Мы не могли взять его с собой. Его тело было сломано, раны убили бы его в течение недели, если бы инфекция не добралась раньше. Борис знал это. Но всё равно умолял сохранить ему жизнь.

Я так и не поняла, почему он оказался посреди дороги. Почему не бежал, как мы? Теперь я гадаю, искал ли он Алену, пытаясь спасти её.

Думаю, я никогда не узнаю.

— Откуда ты знаешь, что сейчас ночь? — спрашиваю я Алену. — Ты сказала «в такие ночи».

Она слегка улыбается. Вынужденно. Но разве в наши дни всё не так?

— По ощущениям, — отвечает она. Я слышу слёзы в её голосе, готовые вот-вот прорваться. — Мы пришли сюда, достали одеяла, прячемся. Едим. — Она поднимает банку, словно подчёркивая свои слова. — Мои кости устали. Тело болит. — Её глаза блестят, как газовые огоньки. — Это ночь, я уверена.

Я пожимаю плечами. Алена замолкает, доедает помидоры, выпивает сок из банки, затем достаёт спальный мешок и ложится спать.

Я возвращаюсь к записной книжке. Листаю пустые страницы, держу карандаш, но натыкаюсь на привычный барьер — тьму. Я не вижу страниц, и даже если бы видела, мой разум пуст. Вдохновение умерло, когда у нас украли свет и солнце.

Всё, что я вижу, закрывая или открывая глаза, — чернота. Я лениво рисую тёмно-серые линии и думаю о своих консервах, гадаю, что съем на ужин и как долго мне хватит еды, если мы не найдём новую добычу до ухода из деревни.

Мы пробудем здесь несколько дней. После недели пути мы измотаны, кости и мышцы ноют. Нужно отдохнуть, собрать всё, что сможем, прежде чем двинуться дальше — в другую деревню или на ферму. Мы всегда проверяем карты, отмечаем своё местоположение и ищем изолированные места.

Только изолированные. Города и посёлки слишком опасны — мишени для темных морков. Это верная смерть.

Я не могу сосредоточиться. В последнее время это редкость.

Я захопываю книжку и бросаю её в рюкзак. Она падает с глухим стуком. Беру ближайшую банку, открываю её ножом. Фасоль. Ем пальцами, зачерпывая сколько могу. Облизываю банку изнутри, стараясь не порезать язык.

К этому времени почти все спят. Тишину нарушают глубокие вдохи, храп и редкое шуршание спальных мешков. Владимир Ильич, в дальнем конце круга, читает журнал при свете фонаря. Его трость лежит рядом. Пётр тоже не спит.

Он смотрит на меня. В его карих глазах отражается свет. Мурашки бегут по телу. Он пугает меня.

Вздохнув, я выбираюсь из своего угла и иду по проходу, лишь бы избежать его взгляда. У Петра всегда на уме жен-

щины. Но никто в группе не настолько глуп, чтобы связаться с ним. Все знают, что он свинья. Чёрт, я готова поспорить, он бы даже переспал с Мариной, если бы она согласилась. Но она не согласна.

Я иду по проходу, позволяя тьме сгущаться вокруг, как одеялу ночи. Без фонарика я пробираюсь на ощупь. Пальцы скользят по глянцевым обложкам журналов, затем по мягким упаковкам шоколадок, печенья, чипсов, конфет.

Я беру несколько наугад и кладу в карман кардигана. Он достаточно глубокий, чтобы вместить немало. Беру ещё, вопреки здравому смыслу. Сахар даёт краткий прилив сил, но потом наступает спад. Жить на шоколаде и соках — верный способ выдохнуться на полпути к следующей деревне. Консервы и вода — вот что нужно.

В конце прохода нахожу несколько бутылок воды, спрятанных на нижней полке. Приходится покопаться. Большинство бутылок разобрали, остались две полные и куча пустых. Я беру полные.

Прогулка по магазину приносит больше, чем я ожидала. Нашла несколько банок, хоть и не разобрать, что в них, и три энергетических батончика. Беру две банки и батончики, возвращаюсь в свой угол. При свете разглядываю добычу. Гримасничаю, глядя на стеклянную банку, и отставляю её. Прямая паста. Не моё.

Неудивительно, что её оставили, несмотря на все налёты на магазин. Другие банки не лучше: оливки и собачий корм.

Оливки запихиваю в рюкзак вместе с батончиками и водой, застегиваю его.

Батарейки не нашла. Может, повезёт завтра, когда начнём рыскать по деревне. Иногда такие рейды приносят что-то ценное — в спешке эвакуации люди бросали всё.

До прихода темных морков по России прокатилась массовая эвакуация. В деревнях не осталось ничего, ради чего стоило бы остаться. Людей переселили в города, где они могли хоть как-то выжить. Это было до войн и эпидемий. К счастью, с падением технологий бомбардировщики не летали. Войны велись по-старому: сосед против соседа, страна против страны. Кровавые боины с ножами и лопатами.

Мне повезло их избежать.

Я убираю рюкзак и разворачиваю спальный мешок. Внутри холодно и влажно. Как бы я хотела развести огонь, почувствовать тепло и свет на лице. Но огонь привлечёт морков или другие группы, а этого мы не можем допустить.

Я отдыхаю спокойнее, видя, что Пётр заснул. Должно быть, задремал, пока я рылась в темноте.

Но я не могу уснуть. Никогда не спала хорошо в темноте. Когда гаснет последний фонарь, тьма внутри становится такой же густой, как снаружи.

Сон приходит с трудом.

Глава 2

Иногда я так глупо мечтаю, что, проснувшись, увижу, как тьма рассеивается, словно страшный сон, взойдёт солнце, и я впервые за полтора года разгляжу белоснежные облака. Но тьма не отступает. Она постоянна, и с каждым пробуждением становится всё тяжелее, ведь времени больше нет. Нет утра, полудня, дня или ночи. Время исчезло вместе с миром, который я когда-то знала.

Я просыпаюсь на холодном деревянном полу, но знаю, что ещё не время вставать и двигаться дальше. Все спят, неподвижно укрывшись в спальных мешках. Никто не шевелится.

Я осторожно снимаю свой спальный мешок, стараясь не разбудить остальных. Освободив ноги, перекачиваюсь в полусидячее положение и медленно встаю. Все фонари погасли, кроме одного. Кто-то, видимо, проснулся раньше и оставил его включённым.

Нам нельзя брать вещи друг у друга, даже взаймы, но мне нужен свет. Без фонаря я ничего не вижу, а мне срочно нужно найти туалет в этом сыром магазине.

Свет фонаря тусклый, но его хватает, чтобы разглядеть разбросанные по полу сумки. Я осторожно обхожу беспорядок, ступаю тихо и направляюсь к фонарю. Приближаясь, бросаю взгляд на лицо спящего рядом.

Это Алексей, молодой парень, почти подросток, который во сне кажется ещё младше. Он не станет возражать, если я возьму фонарь. Сомневаюсь, что он поднимет шум или кому-то расскажет.

Я приседаю, крепко хватаюсь за ручку фонаря и, затаив дыхание, осторожно поднимаю его с пола. Алексей не шевелится. Взяв фонарь, я возвращаюсь к своему спальному мешку, двигаясь медленно и бесшумно, затем перелезаю через свои вещи в проход, который обыскивала вчера.

В тишине, пока все спят, тьма кажется гуще. Она окутывает меня жутким покрывалом. Иду по проходу, и озноб покалывает кожу, покрывая её мурашками под тонкой тканью кардигана.

Фонарь освещает остатки еды на полках, покрытые пылью: журналы, разбитые стеклянные бутылки, разбросанные шоколадные плитки, которые не забрали во время эвакуации. В конце прохода вдоль стены выстроились холодильники со стеклянными дверцами. Я не решаюсь их открыть — знаю по опыту, как воняет гниющее мясо и свернувшееся молоко.

Меня не так уж беспокоит запах. После года скитаний по городам и деревням, где тела гниют прямо на улицах, я привыкла. Но это неприятно, особенно когда в крошечной тьме спотыкаешься о труп.

Я иду вдоль стены, держа холодильники справа, и нахожу открытую дверь. Через неё мы вошли, разбив окно в задней

части магазина. Протискиваюсь в узкий, заваленный хламом коридор, сжимая фонарь. Вскоре замечаю ещё одну дверь — должно быть, туалет.

Ручка покрыта липкой красно-коричневой субстанцией. Не ржавчина, думаю. Натягиваю рукав на руку и использую его, чтобы повернуть ручку, двигая её медленно. Любой скрип может выдать наше присутствие. Мы боимся не только темных морков, но и других выживших. Большинство из них враждебны, особенно если ты на их территории.

Мир стал тёмным. Может, он всегда был таким, а потеря света лишь обнажила нашу суть. Мы — чудовища, не лучше морков, что охотятся за нами до края земли.

Отбрасываю эти мысли и проскальзываю в туалет. Здесь тесно, я зажата между грязным унитазом и заляпанной раковиной. Осторожно ставлю фонарь на край раковины и проверяю краны. Вода ещё капает — в трубах осталось немного.

Смачиваю тряпку тёплой водой и вытираю сиденье унитаза. Когда оно становится относительно чистым, протираю зеркало над раковиной. На нём толстый слой пыли, но я очищаю небольшой участок, и моё отражение смотрит на меня — мутное, словно в ряби ручья. Впервые за долгое время я вижу своё лицо.

Теперь мы не ищем зеркал. Глядя на себя, я понимаю почему. Я выгляжу ужасно. Когда-то я красила волосы во все цвета: была блондинкой, брюнеткой, рыжей. Теперь вижу лишь тёмные пряди — краска давно выцвела.

Забавно, как скучаешь по мелочам, когда всё потеряно. По тональному крему, скрывавшему веснушки, по запаху солнцезащитного крема, по горячему кофе, по бабушке и дедушке. Я не знаю, выжили ли они в этом тёмном мире. Скучаю по закатам, по небу, усыпанному звёздами, которые я зарисовывала мелками, оставлявшими цветные пятна на пальцах.

Я хватаюсь за края раковины и смотрю на слив. Вода течёт тонкой струйкой, кружится вокруг стока, словно водоворот. Как бы я хотела, чтобы он унёс меня прочь из этого мира.

Единственное, по чему я не скучаю, — желание исчезнуть, стать невидимой. Это чувство осталось со мной и во тьме.

Держась за раковину, я вытаскиваю из-за пояса тяжёлые ножницы. Они с глухим стуком падают в раковину. Медленно закатываю рукав и снимаю повязку с руки. Даже в тусклом свете фонаря видны шрамы и свежий кровавый порез, рассекающие кожу, словно удары плети. После прихода тьмы и морков я не раз пыталась умереть. Я не создана для этого мира. Но я слишком труслива, чтобы довести дело до конца. Пока. Однажды я наберусь смелости прижать лезвие сильнее и не стану бинтовать раны. Однажды я уйду навсегда.

Но не сегодня.

Я отворачиваюсь от ножниц и беру чистую тряпку. Разрезаю её пополам, смачиваю один кусок под краном и раздеваюсь до белья. Прохладная ткань скользит по коже. Без мыла

это всё, что я могу сделать. Если бы нашла мыло, это был бы хороший день. Как в старом мире, когда принимаешь душ без геля или шампуня, просто ополаскивая тело горячей водой. В этом есть что-то освежающее, но этого мало. Теперь всегда мало.

Но со временем привыкаешь.

Я максимально чиста. После туалета нажимаю на слив — и он работает. Лёгкая улыбка касается губ. Воды в бачке не хватит для следующего, но мне всё равно. Мы зовём себя группой, племенем, но каждый за себя. Если бы я хромала или умирала от голода, никто не поделился бы со мной. Я видела это на примере Бориса.

Закончив, я бинтую руку второй тряпкой, засовываю ножницы за пояс спортивных штанов и выхожу, тихо закрыв дверь. Перед тем как покинуть коридор, смотрю в разбитое окно. Прохладный ветерок касается влажного лица. Ледяной. Озноб пробегает по телу, но мне это нравится. Я не чувствую холода, боли или страданий — только оцепенение, самое блаженное чувство за долгое время.

С глупой улыбкой возвращаюсь в магазин. С фонарём Алексея снова ищу батарейки, но не нахожу даже запасного фонарика. Я была бы рада даже слабому, дающему пыльный свет.

Сдавшись, возвращаюсь к группе, пока никто не заметил, что я взяла фонарь. Все спят. Я кладу фонарь рядом с Алексеем и тихо забираюсь в свой спальный мешок. Сон не идёт.

Вскоре остальные начинают шевелиться, включают фонари, сворачивают мешки. Я остаюсь в своём как можно дольше.

Наконец собираю вещи. У нас мало времени перед набегом на дома и коттеджи деревни. Некоторые в последний момент обходят магазин, проверяя, не пропустили ли что-то. Другие идут в туалет. Никто не жалуется, что унитаз не смывает или что вода кончилась. Они не знают, что я всё израсходовала, и я этому рада.

По пути в эту деревню мы шли по мощёной улице, освещающая путь слабыми фонарями. Табличка гласила, что мы в селе Тюшево, Рязанской области. Как и весь мир, оно погрузилось во тьму. Для нас это просто ещё одно место, где можно пограбить и отдохнуть, прежде чем идти дальше.

Куда — я не знаю. Мы не задаём таких вопросов. Никто не хочет признать, что нам некуда идти, нет цели, нет причин продолжать. Мы просто идём.

Пётр раскладывает карту на полу. Мы медленно собираемся вокруг, подвигая фонари ближе. Холодный ужас сжимает внутренности. Я знаю, что значит эта карта, и ненавижу Петра за это. Мы двинемся дальше быстрее, чем я думала. Сегодня, после набега, мы уйдём. Я надеялась, что заночуем здесь, отдохнём после дней пути. Мои ноги ноют в знак протеста.

Пётр водит мясистым пальцем по карте. Я не слушаю, о чём говорят: идти на юг, избегая городов, или на восток, в заповедник, где есть озёра. Это неважно. Мы ходим по кругу.

Север, запад, юг, восток — всё едино.

Но я не глупа.

Когда большинство поддерживает лес, я вмешиваюсь.

— Вы не помните Брянскую область? — спрашиваю я, оглядывая лица. — Я не хочу повторения.

Больше говорить не нужно. Некоторые смотрят пусто — их тогда не было с нами, другие морщатся. Брянск был кошмаром. Мы провели несколько дней в лесу, и я узнала, что там водятся медведи и кабаны, выживающие, как и мы. Как — не знаю. Может, они лучше видят в темноте. В том лесу мы потеряли троих. Они просто исчезли. В заповеднике слишком легко потерять друг друга.

— Предлагаю идти вдоль границы леса, — говорю я, проводя ногтем по карте, где лишь деревни и посёлки, — а потом свернуть на север перед Баграмово.

Взгляд Петра прожигает меня. Я чувствую, как он обжигает кожу, слышу безмолвный приказ его глаз: «Заткнись, Мила». Но он быстро кивает и сворачивает карту. В свете фонаря я улавливаю его угрюмый взгляд. Ему нравится быть главным, тем, за кем идут.

Пусть. Можешь быть лидером, пока не успокоишься, Пётр. Я не собираюсь задерживаться. В Коломне, если мы туда доберёмся, я не знаю, что будет. Города опасны — там основная резня. Больше некуда идти. Мы обходим крупные города, и я не верю, что в другой стране будет лучше.

Я с этой группой несколько месяцев. Некоторые — нович-

ки, подобранные по пути. Многие погибли или затерялись. Но я ни к кому не привязана. Возможно, скоро уйду своей дорогой. Чую, дело может дойти до драки.

Пока же я играю по их правилам, чувствуя, как между нами растёт напряжение.

Глава 3

Мы собираемся за считанные минуты. Лямки рюкзака врезаются в плечи, оттягивая вниз вес спального мешка и бутылок с водой. Я поправляю ремни и подхожу к входной двери магазина.

Пётр стоит у двери, держась за ручку, и ждёт. Мы погружаемся в тишину. Холодок сворачивается в животе. Когда тишина становится густой, я ощущаю тьму вокруг.

Один за другим гаснут фонари, и я чувствую, как задыхаюсь. Слишком рано возвращаться в опасности этого мира. Но спорить поздно. Пётр втыкает отвёртку в замок и взламывает его. Затем замирает. Мы все замираем.

Тишина окутывает нас. Мы ждём, затаив дыхание, боясь засады другой группы или криков темных морков, готовых сжечь нас. Но ничего. Тишина оглушает.

Убедившись, что снаружи пусто, Пётр медленно открывает дверь. Её скрип режет тишину. Холодный воздух бьёт в лицо, заставляя поры сжаться, а плечи — сутулиться. Похолодало.

Забавно, но времена года остались. Мы не видим солнца, звёзд или луны, но они где-то там, за тьмой. Солнце всё ещё греет. В Брянске, клянусь, я потеряла литры пота. Теперь в воздухе чувствуется обещание снега и льда. Я не люблю путешествовать в снег или дождь.

И без того трудно держаться вместе. Иногда мы связываемся верёвками, чтобы не потеряться. Это началось после Брянска, где мы потеряли троих.

Мы выходим во тьму. Чья-то рука хватает моё запястье. Я вздрагиваю. Это Алена. У неё есть фонарь, так что я позволяю ей идти со мной.

Попарно мы расходимся в разные стороны. Шаги, что звучали слитно, затихают, когда мы направляемся к домам. Свет фонаря Алены отбрасывает жёлтые блики на камни и слабо освещает фасад дома с черепичной крышей.

Железные ворота болтаются на петлях. Я крадусь за Аленой по тропинке, следуя за её светом к массивной чёрной двери. Она пробует ручку. Щелчок — дверь открывается. Алена толкает её до конца. Нас встречает чернота, такая же густая, как снаружи.

Мы ступаем осторожно, пробираясь внутрь. В любой комнате может прятаться чужак. Никто не хочет быть застигнутым врасплох или ограбленным.

Я держусь рядом с Аленой, когда она сворачивает в ближайшую комнату. Дверь открыта. Фонарь освещает гостиную с пыльным плазменным телевизором у окна. Шторы задернуты, скрывая наш свет.

Алена подходит к двери у камина, заглядывает в щель, поднимая фонарь.

— Кухня, — шепчет она, страх бьёт по нашим нервам. Она отходит и жестом зовёт меня. Я следую за ней.

Алена ставит фонарь на круглый стол. Свет слабый, но его хватает. Мы начинаем рыться в шкафах.

Я нахожу жестяную коробку, которая гремит, когда её сдвигаю. Заинтригованная, вытаскиваю её и ставлю на столешницу. Это аптечка с бинтами и пузырьками таблеток. Сбрасываю рюкзак, подношу пузырьки к свету, пытаюсь разобрать этикетки. Названия незнакомы. Упаковываю таблетки на всякий случай и беру немного бинтов, оставляя аптечку почти нетронутой.

Мы с Аленой молча обыскиваем кухню, обходим её и возвращаемся друг к другу. Она нашла коробку макарон. Бесполезно — нужен кипяток, а значит, огонь. Огонь — верный способ выдать себя светом или запахом. У нас правило: никакого огня.

Я роюсь в шкафах у раковины, ищу батарейки или фонарики, но ничего. Вдыхаю, плечи опускаются. Без света я привязана к Алене до конца набега. А я люблю работать одна — медленно, залечивая раны, листая дневники, воруя книги, переодеваясь.

Мне нужен свет. Я не сдаюсь.

После кухни я оставляю Алену и иду проверять ванную и спальню. На тумбочках иногда лежат спички. Спичек не нахожу, но нахожу фонарик. Сердце пропускает удар от радости. Включаю — слабый белый свет. Улыбка кажется чужой в этом мире.

Батареек для моего большого фонаря нет, так что я иду

к деревянному шкафу с выцветшей краской и зеркалом. Я слишком долго ношу эти штаны и кардиган. Раздеваюсь до белья, которое едва держится, и открываю шкаф.

Не успеваю взять футболку, как комната светлеет. Выглядываю из-за двери шкафа, ожидая Алену с фонарём. Но я одна, и свет не от фонаря.

Кровь стынет в жилах, сердце колотится. Я вцепляюсь в дверь, ногти оставляют в дереве следы. Медленно поворачиваюсь к противоположной стене. Сквозь окно пробивается оранжевый свет. Костёр. И не наш.

Я задыхаюсь от ужаса и падаю на пол. Сердце бьётся о рёбра. Лежу на боку, зажав рот руками, и думаю. Свет слабый — те, кто идёт в деревню, ещё далеко. У меня есть шанс сбежать. Но спасти других нет времени. Каждый сам за себя.

Я поднимаюсь и смотрю через кровать в окно. Оно мерцает оранжевым, ещё не красным — огонь не здесь. Свет слабый, вероятно, от факелов, а не от горящей деревни. Только темные морки носят факелы...

Я не медлю. Вскрываю, хватаю из шкафа одежду, подбираю рюкзак и фонарик. Бегу из комнаты, шатаюсь, в коридор. — Алена! — кричу в панике, бросая вещи на пол.

Здесь меня не видно из окон. Я засовываю ноги в штаны, что схватила.

— Алена, надо бежать, сейчас же!

Натягиваю слишком большой кардиган. Алена выходит из ванной с зубными щётками, пастой и фонарём.

— Что? — говорит она, но её взгляд устремляется за меня.

Я оборачиваюсь. Оранжевый свет поднимается по стене напротив спальни. Алена роняет щётки, пачка макарон падает на ковёр.

— Надо идти, — повторяю я.

Она смотрит на меня, застыв. В её глазах тот же страх, что я ощутила, увидев огонь, те же вопросы: кто идёт? Захотят ли нас убить? Это морки, пришедшие всё уничтожить? Потеряем ли мы группу, будем ли разделены навсегда?

И главное — не слишком ли поздно?

Алена бросается в ванную за сумкой. Я зашнуровываю ботинки, надеваю рюкзак, держу фонарик. Алена чуть не сбивает меня, выбегая из ванной. Я отшатываюсь к стене. Она бормочет «извини» и бежит на кухню.

Я за ней, но она останавливается, выдёргивает ящик и достаёт два кухонных ножа. Один передаёт мне. Дрожащей рукой хватаю ручку. Алена выключает фонарь.

Мы в темноте. Глаза привыкают, помогая слабому свету с улицы. Мы спешим к выходу. Дверь открывается на улицу. Проходим по тропинке, отворяем ворота. Они громко скрипят.

Я замираю, тело сжимается. Оглядываюсь на свет. Он поднимается по холму к деревне и быстро приближается. У нас минуты.

И тогда я слышу. Боевой клич. Незнакомые звуки рвут

позвоночник, словно когти. Тьма разносит крики, будто они со всех сторон. Но это уловка тьмы.

Это темные морки. Без сомнений. Армия, пришедшая уничтожить деревню и всё в ней. Если Бог есть, молюсь, чтобы он сжалился над нами.

Мы не выживем.

Оранжевое зарево поглощает деревню, но я едва вижу. Бегу за шагами Алены. Свет факелов гонится за нами, мы слишком уязвимы. Скоро морки заметят нас.

— Надо уйти с улицы, — хриплю, отставая. Пытаюсь дотянуться до неё, но рука хватается воздух.

— Алена! — шепчу резко, паника рвёт дыхание. — Беги в переулок!

Если она слышит, то не отвечает. Только стук её ботинок по асфальту. Крики громче, ближе.

Оглядываюсь — тени армии тянутся по фасадам зданий, ползут по земле. Снова тянусь к Алене, но она слишком далеко.

Я не могу рисковать.

Сворачиваю направо, в тёмный переулок. Алена не следует за мной. Скоро я перестану слышать её шаги. Она бежит дальше.

Надеюсь, она спасётся. Но сомневаюсь. Как и в своём спасении. Нам конец.

В переулке темно, но факелы скоро осветят всё. Я стану мишенью. Переулок упирается в кирпичную стену — слыш-

ком высокую, чтобы перелезть. Я отшатываюсь, вытянув руки. Без фонарика, который уронила, я ничего не вижу. Только нож и тупик. Я в ловушке.

Глава 4

Я прислоняюсь спиной к стене и раскидываю руки. Затаив дыхание, ощупываю кирпич и медленно продвигаюсь к улице. Где-то здесь должна быть дверь или окно.

Руки дрожат, ладони саднит от шершавой поверхности. Но я продолжаю шарить, ища хоть что-то. Мне нужно выбраться из этого переуллка.

Может, Алена была права, бросившись вперёд и оставив меня. Как я говорила, каждый сам за себя. Но это не значит, что мне не обидно быть брошенной, особенно когда я знаю, что темные морки найдут меня первой.

Их крики теперь оглушают, словно раздаются рядом. Улица озаряется светом. Оранжевый сменился алым заревом. Они поджигают здания. Огонь разгорается.

Я сгорю, если они не доберутся до меня раньше.

Дыхание перехватывает, когда кирпич под ладонью сменяется стеклом. Я поворачиваюсь к стене и веду руками вдоль окна. Оно достаточно низко, чтобы забраться. Но разбить стекло нельзя — шум выдаст меня. Я тянусь на цыпочках, хватаюсь за край форточки и подтягиваюсь на подоконник. Просунув руку внутрь, нащупываю ручку и толкаю окно. Оно открывается.

Свет факелов проникает в переулок. Тьма у ног рассеивается, и я слышу тяжёлые шаги армии, спускающейся по ули-

це.

Не давая себе передышки, я бросаюсь в окно. Приземляюсь с грохотом, боль, словно лава, растекается по спине. Всё тело ноет.

Я хриплю, задыхаясь. Переворачиваюсь на бок за миг до того, как комнату озаряет свет. Это маленькая закусочная.

Свет факелов приближается. Нельзя терять ни секунды. Морки начнут охоту, прочешут улицы и дома, сжигая всех, кого найдут. Моя единственная надежда — найти задний выход и раствориться во тьме, не оглядываясь.

Я перекатываюсь на живот и ползу на четвереньках за прилавок. Встать нельзя — окно слишком низкое, любой морк, заглянувший внутрь, заметит меня.

Упираясь в стойку, я перевожу дух и осматриваю закусочную. Столы и стулья свалены у стены, параллельной улице. По другую сторону прилавка — кухня с открытой дверью. Я быстро ползу к ней.

У двери я замираю: пронзительный крик разрывает воздух. Я съеживаюсь, каждая нота впивается в кости, вызывая тошноту. Это не как в кино, где мужчины и женщины кричат по-разному. В этом мире все крики одинаковы. Я не могу понять, кто там, в лапах морков.

Я молю, чтобы это была не Алена, и бросаюсь в тёмную кухню. Бегу, сбивая кастрюли и приборы со столов. Мне всё равно. Вытянув руки, пробираюсь к другой двери.

Снаружи крики множатся. Морки ловят людей из нашей

группы. Может, они поджигают деревню, а может, вытаскивают нас по одному для пыток.

Крики маскируют мой шум, но этого мало. Я слышу обрывки слов, странную речь на чужом языке, доносящуюся снаружи. Она приближается к окну закускойной. Болтовня смолкает, и раздаётся звон стекла. Морки лезут внутрь.

Я слышу, как их ботинки стучат по полу. Двигаюсь быстрее, ищу выход — дверь, окно, хоть что-нибудь. Если не найду, я заперта с чудовищами. Это конец.

Сердце колотится, когда руки нащупывают холодную дверную ручку. Чужой язык звучит за спиной — грубое, бормочущее рычание. Они идут.

Я медленно поворачиваю ручку. Сердце бьётся, как барабан. Проскальзываю в проём и осторожно закрываю дверь. Чем меньше шума, тем сложнее меня выследить.

Без света я не вижу, где я. Даже окна не пропускают оранжевый свет факелов. Я окружена стенами. Прислоняюсь к одной и шагаю вдоль неё, ища выход. Голоса морков за дверью громче.

Их язык режет, словно битое стекло, впиваясь в плоть. Резкий, острый, жестокий. Этот звук пробирает до дрожи, будто сосульки скользят по костям.

Что-то твёрдое задевает ботинок, и я шатаюсь, едва не падая. Устояв, приседаю и нащупываю предмет. Это ступенька. Первая на лестнице.

Я колеблюсь. Голоса ближе, слышен треск огня. У них фа-

келы. Их свет найдёт меня, если они откроют дверь.

Подняться по лестнице — значит не спуститься, когда морки подожгут здание. А они подожгут. Но оставаться здесь, на открытом пространстве, нельзя.

Идея вспыхивает, как молния. Я молю Бога, чтобы она сработала. Бросаюсь к стене напротив и ощупываю край лестницы. Под ней нет пустоты, но есть ржавая ручка шкафа. Сердце замирает от облегчения. Я ныряю в шкаф.

Как только закрываю дверь, другая с грохотом распаивается, ударяясь о стену. Я замираю в пыльной тьме. Пол содрогается от шагов. Один морк бежит наверх, его ботинки грохочут над моей головой. Второй бродит по коридору, пинками открывая двери. Затем его шаги затихают — он обыскивает комнаты.

Я не двигаюсь. Вокруг швабры, метлы, шаткие бутылки на гнилой полке, готовые упасть от малейшего движения. Мне нужна тишина, чтобы выжить.

Я не дышу. Тело сковано. Только сердце колотится, грозя выдать меня.

Но морк откроет эту дверь. Мой тайник будет найден, и меня разорвут. Он не оставит дверь непроверенной. Я жду, пока его шаги не затихают, и, убедившись, что он в комнате, медленно поворачиваю ручку. Она бесшумна — спасение. Осторожно открываю дверь и закрываю её за собой, не оставляя следов.

В свете факела из комнаты я различаю коридор закусоч-

ной. На стенах пыльные рамки с фотографиями, на полу потрескавшиеся вазы с выцветшими узорами. Здесь, должно быть, жили владельцы.

Я замираю у двери, где оранжевый свет заливает зал. Выглядываю. Темный морк крадёт остатки мужества из моей души.

При виде его ноги подкашиваются. Я вцепляюсь в живот, чтобы не потерять контроль. Он огромен. Не просто высокий — на голову выше обычного мужчины, — но и широкий. Мускулы выпирают из-под кольчужного доспеха. Обнажённые руки землистого оттенка блестят в свете огня, словно ноги, а не руки. Пепельно-русые волосы, собранные в хвост, мерцают, как клинок под луной.

Всё в нём кричит: воин. Машина для убийств, созданная для кровопролития.

Затаив дыхание, я крадусь к двери. Он стоит спиной ко мне. Перебегаю на другую сторону, замираю. Он не услышал.

Выдохнув с облегчением, я пробираюсь в коридор. Вариантов мало: назад к открытым дверям нельзя, наверх или в шкаф — тоже. Только вперёд, через кухню.

Я возвращаюсь на кухню, шаги осторожны. На этот раз я бесшумна. Даже стук ботинок не выдаёт меня. Я ступаю так, будто от этого зависит жизнь. Так и есть.

Добираюсь до двери, но всхлип вырывается из горла. Я зажимаю рот, съёживаюсь не от своего звука, а от того, что

вижу через окна.

Деревня горит. Сквозь пыль на стёклах пламя пожирает здания, уничтожая дома и воспоминания. Огонь распространяется, как эпидемия.

Но хуже — орды темных морков. Они на звероподобных конях, размахивают мечами в алом свете. Их смех просачивается в закусочную, обвивая мои ноги. Я застываю, глядя, что они творят.

Они ликут, заглушая крики пленных. Десяток людей сидит на земле, окружённый морками, словно охраной. Но...

Я подбираюсь к окнам, прячась в тени. В свете пожаров вижу лица пленных — измождённые, в рваной, окровавленной одежде.

Они не из моей группы. Незнакомцы. Странно, как тщательно их охраняют — не меньше десяти морков с оружием стоят спиной к ним, пока другие разрушают деревню.

Я замечаю лицо на земле. Безжизненное, изуродованное, с широко открытыми глазами, отражающими огонь. Пётр. Он не выжил.

Интересно, кто ещё уцелел. Я жива, но это не значит, что выберусь. Скорее всего, я закончу как Пётр — брошенная, забытая.

Я отступаю в тень. Нет времени думать о других. Нужно найти выход из этой проклятой деревни, пока я не сгорела.

Оглядываюсь — свет огня ярче, тянется по стенам, вторгается в кухню. Морки возвращаются. Они закончили обыск

и идут ко мне.

Я в ловушке. Дверь на улицу выбросит меня к сотне морков, назад в дом нельзя. Я выпрыгиваю в окно. Приземляюсь с глухим шлепком на асфальт.

Стон вырывается из груди. Перекатываюсь на бок, медленно встаю. Свет пламени освещает пути к смерти: на улицу, к стене, перекрывающей переулок, в горящее здание напротив или назад, к двум моркам.

Я в ловушке. Вся жизнь была ловушкой, из которой я не выбиралась. Но это — конец.

Глава 5

Нет выбора, кроме как перелезть через стену, пока меня не заметили. Я вижу их на улице, в багровом свете. Они бросают факелы в окна и двери, кричат, упиваясь разрушениями. Один взгляд в переулок — и я пропала.

Я бегу. Ноги еле несут, словно кости растворяются, а мышцы тают. Но я добираюсь до стены.

Останавливаюсь, не врезавшись. В свете улицы вижу окно, спрятанное рядом с кирпичной стеной. Вдох облегчения рвётся из груди. Прыгаю к окну, носки ботинок упираются в подоконник. Хватаюсь за край стены, подтягиваюсь. Позади крик.

Глаза расширяются, оглядываюсь. Сердце уходит в пятки. Меня заметил морк. Высокий, грозный, он стоит у входа в переулок, указывая на меня мечом.

Ледяной страх сковывает живот. Его лицо искажено безумием. Он жаждет охоты.

Я даю ему погоню. Десятки глаз морков устремляются на меня. Едва успеваю встретиться с ними взглядом, как поворачиваюсь к стене. Их боевые кличи подгоняют, и я падаю с края.

Приземляюсь с болью. Нож выскальзывает из руки. Мой крик тонет в рёве морков. Их шаги бьют по земле по ту сторону стены. Они идут.

Я кричу от боли, переворачиваясь на живот, отталкиваюсь, чтобы встать. Ноги дрожат, лодыжка пульсирует. Вывих или перелом.

Но это не главное. Я ковыляю по переулку к водостокам, где за деревьями маячит лес. Мощные удары позади — морки перепрыгивают стену. Они за мной.

В конце переулка я на краю деревни. За холмом — лес, мой шанс укрыться. Но тени морков цепляются за лодыжки.

Я бегу к опушке. Рюкзак бьёт по спине, агония вспыхивает в копчике. Падение ранило всё тело. Но я терплю боль в лодыжке, спине, плече и бегу. Ноги шатаются, грозя подкопиться на холме.

На полпути стрела пролетает мимо. Я падаю на склон. Рюкзак смягчает удар, но я качусь вниз быстрее, чем бегу. Трава, грязь, тьма, пронизанная оранжевым светом, мелькают перед глазами. Останавливаюсь, врезавшись в булыжник у подножия.

Простонав, я вскочила и обернулась. Морки выбегают из переулков, ещё десяток появляется из леса с зазубренными стрелами, готовыми пронзить меня.

Я окружена. Бежать некуда. Они наступают, их движения замедленны — они знают, что загнали меня. Коварные улыбки и кровожадные взгляды.

Я не верю, что после стольких месяцев выживания всё закончится здесь, в забытом посёлке, где меня сожрут звери или оставят гнить. Я исчезну, забытая, как эта деревня.

Я отступаю к зданию, пока рюкзак не упирается в стену. Руки подняты, словно в капитуляции. Я сдаюсь. Не бегу, не сражаюсь. Слабая встреча со смертью, но, может, она будет быстрой. Лучшее, на что я могу надеяться.

Грозные лица ближе. В их глазах — жажда крови. Я вжимаюсь в стену, будто могу раствориться. Их шаги пугающе тихи. Я слышу только своё дыхание и сердце.

Пот стекает по лбу. Глядя на морка, хватаюсь за лямки рюкзака и сбрасываю его. Пальцы нащупывают ножницы за поясом, когда ко мне подходит первый — с глазами, как огранённый янтарь.

Я выхватываю ножницы и бью. Промахиваюсь. Он смеётся, уклоняясь. Его хохот разносится, другие воют, запрокинув головы.

Я погибну, сражаясь. Но в последние минуты надо мной будут смеяться.

Я бросаюсь вперёд, бью снова. Его пепельные волосы развеваются, когда он кружится, и ножницы вонзаются в пустоту.

Смех взрывается вновь. Он поворачивается, усмешка кривит рот. Из-под ресниц он смотрит на меня и в миг бросается ко мне.

Крик застревает в горле. Он хватает меня за шею и швыряет к стене. Я ударяюсь, падаю на землю. Тепло разливается в затылке — кровь. Череп хрустнул о кирпич.

Тошнота пронзает. Я позволяю себе рухнуть. Лучше уме-

реть здесь. Жар пламени ближе, обжигает кожу. Лениво смотрю на морков. Их факелы вытянуты, они разглядывают меня.

Некоторые хмурятся. Морк с пепельными волосами наклоняет голову, глядя на мою шею. Я ощупываю её — ничего, ни ран, ни крови. Но что-то есть, раз они пялятся, будто там выросла рука.

Ропот пробегает по толпе. Они шепчутся на своём резком языке. Я хмурюсь, глядя на пепельноволосого, который делает шаг ко мне. Его клинок в ножнах, оружия в руках нет.

Он выхватывает факел у другого морка и подносит к моей голове. Жар обжигает, кожу зудит. Он отстраняется, удовлетворённый, возвращает факел и указывает на меня.

Мне слишком больно двигаться. Сердце колотится, ноги не слушаются. Двое морков поднимают меня — один за руки, другой за ноги.

Они тащат меня к главной улице. Толпа следует, но некоторые уходят, чтобы добить деревню. Огонь повсюду. Вонь палёной ткани и дерева режет нос. Глаза слезятся от алого света. Я не привыкла к яркости, даже если это свет смерти.

На полпути они останавливаются. Я вырываюсь, но их хватка — железо. Я замираю.

Слышу его прежде, чем вижу. Твёрдые шаги, звон доспехов, шелест кинжала, убираемого в ножны. Поворачиваю голову к улице, пылающей оранжевым. Его силуэт — высокий, широкий, поглощающий.

Я дрожу. Страх ползёт по позвоночнику. Хочу вырваться к другим моркам, лишь бы не встретить этого. Все замолкают перед ним.

Дыхание рвётся, когда он выходит в свет огня. Тьма отступает, но её нити выются у его ног, будто он её хозяин. Чёрные кожаные ботинки, брюки, пояс с кинжалами, пятна крови на лезвиях. Кольчуга тонкая, как шёлк. Бледная кожа покрыта зазубренными шрамами, тянущимися от рук к шее.

Его лицо поражает. Дикая, мужественная красота, как у ядовитой змеи. Тёмные волосы падают набок, касаясь брови. Глаза — бездонная чернота. Они смотрят на меня.

В его взгляде нет дружелюбности. Кажется, он готов содрать с меня кожу. Морки отпускают меня, и я падаю на асфальт, и стою от боли.

Перекачиваюсь на бок, следя за ним. На его голове диадема из чёрного металла, покрытого углём. Он их вожак.

Я идиотка, что не поняла сразу. Поэтому меня не убили, когда я сопротивлялась. Они привели меня к нему. Вспоминаю пленных, охраняемых на улице.

Вены леденеют, страх сжимает сердце. Резкий голос вожака режет мысли. Он говорит со светловолосым морком, чьи скулы остры, как стекло. Оба смотрят на меня.

Хочу сжаться и унести с ветром, стать пеплом. Вожак говорит, глядя на меня. Боль пронзает затылок — светловолосый хватает меня за волосы, поворачивая голову.

Я лицом к асфальту, окровавленная рука прижата к зем-

ле. Моя шея открыта. Они увидели что-то на ней, поэтому привели меня к вожаку.

Но там только родинки. Ни шрамов, ни татуировок, ни клейм. Ничего примечательного. Я не понимаю их интереса.

Вожак подходит. Я молчу, стиснув зубы. Его рука обвивает мою шею. Он держит секунду, затем рывком ставит на ноги и швыряет к стене.

Я стону, но удар не так силён, как падение со стены. В свете улицы он видит меня лучше. Я стараюсь не опираться на больную лодыжку, прислонившись к стене, и слежу за ним. В его глазах нет кровожадности, только сосредоточенность. Он убирает волосы с моей шеи, прядь за прядью.

Я вздрагиваю от его прикосновения, но он не останавливается. Его ноготь отводит последнюю прядь, пальцы скользят к ключице. Он молчит, изучая мою шею.

Большинство морков ушли. В переулке остались трое. Пожары ревут, но я вижу только вожака. Моя кожа дрожит, мурашки бегут по рукам. Я борюсь с желанием оттолкнуть его, но не смею пошевелиться.

Мышцы скованы, дыхание застревает в горле. Он так близко, что его горячее дыхание касается кожи. Я — статуя в огненном ветре.

Его пальцы спускаются к горлу, сжимают — не сильно, как зверь, держащий неинтересную добычу. Ногти впиваются в кожу. Я вздрагиваю, издавая первый звук. Его хватка крепче, будто он только заметил, что я человек.

Он тянет меня, заставляя повернуться лицом к нему. Я смотрю из-под мокрых ресниц, понимая, что плачу. Его глаза — чернее тьмы. Он изучает меня в густой тишине, которая, кажется, закончится моей смертью.

Наши лица близко, носы почти соприкасаются. Это наполняет тело адреналином. Словно я рядом с диким зверем. Каждый нерв кричит бежать в огонь, чтобы избежать его мучений.

Я опускаю взгляд на его губы, избегая глаз. Тишина оглушает, пока он не нарушает её.

— У тебя есть ещё? — спрашивает он.

Я вскидываю глаза, брови выгибаются. Я не ожидала, что он заговорит по-русски. Шок проходит, и смещение морщит лоб.

— Я не понимаю, — шепчу сдавленно, страх в голосе.

— Больше таких, — говорит он с земным акцентом. Его рука отпускает шею, пальцы касаются родинок. — Три родинки в кривой линии, как звёзды.

Я смотрю в небо, но звёзд нет, только огонь. Какие звёзды? Их больше трёх. Отбрасываю мысли и сосредотачиваюсь. Три родинки в полумесяце.

Я знаю свои шрамы лучше, чем своё отражение. Родинки есть — на лодыжке, спине, груди.

— Да..., наверное, — отвечаю я.

— Покажи, — говорит он, отступая. Он стоит в пламени, жар нарастает. Я потею.

Кивнув неуверенно, снимаю кардиган. Он липнет к коже. Майка облегает, дыры на животе обнажают впалый от голода живот.

Дрожа, вытягиваю руку в свет огня. Жар невыносим, но морки не бегут, так что я не беспокоюсь. Хотя, наверное, мне не стоит. Я не выживу.

Морк осматривает мою руку, задерживаясь на ране, обмотанной тканью. Он зажимает тряпку ногтями и срывает её. Рука голая. Он видит шрамы, попытки уйти из этого мира, и татуировку у запястья.

Сердце замирает, когда он берёт моё запястье и проводит пальцем по татуировке. Он хмурится, изучая её форму. Она ничего не значит, просто узор, но его это волнует. Он бормочет на своём языке, тихо, словно размышляя.

Вожак поднимает взгляд. В его глазах любопытство. Его рука скользит к трём родинкам в складке локтя. Он поворачивает руку к огню, чтобы лучше видеть.

Родинки в форме полумесяца есть и в других местах. Я никогда не придавала им значения. Но почему они важны для него?

Он смотрит на меня из-под ресниц.

— Ещё такие есть? — спрашивает он.

Я киваю. Он удовлетворён, отпускает руку и поворачивается к светловолосому морку, бормоча что-то. Я стою у стены.

Светловолосый кивает и смотрит на меня с любопыт-

ством. Я вздрагиваю. Он шагает ко мне, и я, не думая, реагирую.

Отталкиваюсь от стены, хромаю к улице. Боль пронзает лодыжку. Руки хватают меня за плечо, тянут назад. Я шатаюсь.

Вожак хватается моё предплечье. Я рвусь, но он не даёт шанса. Отпускает, затем бьёт в живот. Я отлетаю к стене, голова хрустит о кирпич.

Падаю, видя его сапоги. Он смотрит бесстрастно, будто не разбил мне череп. Наклоняет голову, изучая. Мой взгляд мутнеет, сознание ускользает.

Без этих родинок меня бы убили. Но их значение тонет в боли затылка. Я касаюсь раны — пальцы мокрые от крови. Она ярко-малиновая в свете огня. Слезы жгут глаза.

Вожак уходит. Светловолосый подхватывает меня, перекидывает через плечо. Я вижу асфальт и его ботинки. Кровь течёт по лицу, горький вкус во рту. Я выплевываю её.

Цепляюсь за сознание, пока он несёт меня на улицу. Воздух густой, жаркий. Пепел и дым горчат на языке. Я едва держу глаза открытыми — пламя пожирает деревню.

Магазин, где мы ночевали, сгорел, раздавленный огнём. Как долго горит деревня? Час? День? Разрушение говорит о сутках.

Ночь ли над тёмным небом? Светит ли луна, не пробивая чёрную завесу? Мысли ускользают. Паника грызёт — что с моей головой? Сломанная лодыжка, ушибленные рёбра —

это я переживу. Но треснувший череп пугает.

Я выплевываю кровь. Морк останавливается, сбрасывает меня. Чьи-то руки ловят, смягчая падение. Пленники. Он бросил меня к ним, как мешок.

Слышу треск ткани. Мужчина средних лет отрывает подол футболки и обматывает мою рану. Я пытаюсь разглядеть лица. Одни смотрят с жалостью, другие — как статуи.

Но лица размыты. У всех по две пары глаз, перекошенные носы, рты — чёрные дыры. Тьма из их уст поглощает огонь.

Это моя тьма. Сознание ускользает. Я падаю в неё, неся крики и одну мысль: меня похитили.

Глава 6

Жара невыносима. Пот липнет к одежде, волосы пристают к мокрому лицу. Я пытаюсь вырваться из пекла, ноги корчатся в тёплых штанах.

— Она просыпается, — говорит незнакомый голос.

Я поворачиваю голову на звук и сквозь полубессознательный взгляд смотрю на лицо, парящее надо мной.

— Вот так, хорошо, — говорит пожилой мужчина, грубо кивая. — Я же говорил, что она очнётся.

Он отстраняется, и на его месте появляется лицо молодой женщины, примерно моего возраста, лет двадцати пяти. Каштановые волосы, карие глаза.

— Ты меня слышишь? — спрашивает она, заправляя прядь за ухо. Я замечаю, что её ухо слегка деформировано, верхняя часть загнута внутрь.

Я заставляю себя кивнуть. Движение вызывает режущую боль в позвоночнике, голова кружится. Я стону, тянусь к затылку, но девушка останавливает меня. Она берёт моё запястье и кладёт руку на горячую землю.

— Сколько пальцев показываю? — спрашивает она, подняв руку.

Я борюсь с желанием отмахнуться.

— Два, — отвечаю хрипло. Скрипучий голос шокирует меня. Горло горит, во рту пересохло. Я понимаю, что умираю

от жажды.

Словно прочитав мысли, девушка подносит к моим губам пластиковую бутылку. Тёплая вода льётся в рот, я глотаю жадно, насколько хватает сил.

— Молодец, — подбадривает она. — Ещё немного.

Кто-то поддерживает мою шею. Я чувствую, как его колени шевелятся подо мной. Отстраняясь от бутылки, смотрю на того, чьи колени под моей головой. Это мужчина, разорвавший футболку, чтобы перевязать мою рану. Он не смотрит на меня, его мрачное лицо обращено к огню, пожирающему посёлок.

Я следую за его взглядом. Вены леденеют. Весь посёлок горит. Ни одно здание не уцелело в яростном пламени.

Мы на краю посёлка, на безопасном расстоянии от пожаров. Но жар обжигает кожу, рана на руке зудит. Я сажусь, глядя, как пламя пожирает дома. Издалека, несмотря на режущий глаза жар, вижу тела на главной улице. Слишком далеко, чтобы узнать лица, но я знаю — это моя группа. Люди, с которыми я выживала. Сомневаюсь, что кто-то уцелел.

Темные морки наблюдают за гибелью посёлка. Некоторые ухмыляются, упиваясь делом своих рук. Другие скучают,ковыряя лезвиями ногти или стирая пепел с лиц влажными тряпками. Это их ритуал.

Я оглядываюсь. Морки окружают нас, но вожака не видно. Сотни воинов рассредоточились, отдыхая после резни. Лишь немногие настороже — наши охранники. Они клетка, запи-

рающая нас, людей, в тесном кругу. Сердце холодеет, когда я изучаю пленников.

Они не выглядят измождёнными, как я. Одежда грязная, но они не на грани голода. Пленники кажутся здоровыми. Почему морки сохраняют им жизнь, кормят, защищают от огня, который сами разожгли? Что в них — в нас — особенного?

Мысль прерывает кошмарное зрелище. Я моргаю, тру глаза и смотрю на коня, взбирающегося по склону. Это не лошадь, а чудовище из фильма ужасов. Серая кожа обтягивает кости, тонкий хвост, острый, как фехтовальный клинок, покачивается сзади. Глаза — алые огни.

Я тереблю девушку, не отрывая взгляда от зверя. Она мягко берёт мою руку и кладёт на колени.

— Знаю, — бормочет тихо, чтобы морки не услышали. — К ним привыкаешь.

К зверям или моркам? Какая разница?

Я смотрю ей в глаза.

— Что происходит? — шепчу, голос дрожит от боли, пульсирующей в теле. — Почему мы здесь?

Она качает головой, предостерегая. Мужчина позади ускользает к другим, сторонясь меня.

— Ш-ш-ш, — успокаивает девушка, бросая настороженный взгляд на охранников.

Один повернулся к нам, наблюдая с интересом. В его глазах тлеет гнев. Кажется, он ждёт, чтобы мы продолжили, и

последствия будут жестокими.

Я смотрю на щиколотку, где рукав свитера туго завязан.

— Кто это сделал? — спрашиваю, не подумав.

Охранник не реагирует, плечи девушки расслабляются. Видимо, смена темы безопасна. Мы можем говорить о травмах, но не о морках или их целях.

Я прикусываю язык, подавляя вопросы. Позже. Не сейчас, в тишине, нарушаемой треском огня и шёпотом морков.

— Фёдор Семёнович сделал перевязку, — говорит девушка, указывая на седого мужчину, на коленях которого лежала моя голова.

— А это я, — добавляет она, поднимая мою руку. Раны смазаны пастой.

— Я Эвелина, — представляется она, ожидая моего имени.

— Мила, — отвечаю я.

— Ладно, Мила, держи. — Она достаёт пузырёк с таблетками из кармана куртки. — От боли. Хватит, чтобы продержаться в пути.

Высыпав три зелёные таблетки, она ловит мой взгляд.

— Не отставай. Больные погибают. Идти надо в ногу с армией, — шепчет она.

Я киваю, нахмутив брови, и глотаю таблетки, запивая остатками воды.

Эвелина садится у моих ног и замолкает. Все пленники молчат. Мы смотрим, как посёлок превращается в руины.

Огонь теряет ярость, угасая до мерцающих языков.

Я отвожу взгляд. Морки забыли о посёлке. Они болтают, делятся напитками из кожаных фляг, таскают ящики с яблоками, собранными где-то на юге.

У нас, людей, нет еды. Мой рюкзак с припасами сгорел в посёлке. Я голодна, в отличие от пленников. Они не тощие, не перекормленные, но сытые. Когда они ели? Как долго мне ждать пайка? У пленников нет рюкзаков — еду, видимо, выдают морки.

Когда от посёлка остаётся пепел, морки встают. Убирают фляги, кинжалы, и мы трогаемся. Я держусь изо всех сил. После слов Эвелины не рискую отстать.

Каждый шаг отдаётся болью в лодыжке. Рёбра ноют, голова кружится, колени хрустят. Я никогда не была так измотана, а ведь я пережила больше многих.

С тех пор как небо Швеции погрузилось во тьму, мир изменился. Тьма распространялась быстро. За недели она окутала планету. Самолёты падали, телевизоры, машины, радио замолчали. Мир изолировался, удушаемый чернотой.

Меня эвакуировали в другой город. Через дни началась война — не с бомбами, а с кровопролитием на полях. Люди защищали границы, бежали за слухами о свете или еде.

Мы голодали. Без машин, без ферм, мир поглотил голод. Мы жили остатками из магазинов, но это длилось недолго, как и войны. Я не помню, когда они кончились — я всё время двигалась.

Эпидемия почти уничтожила нас. Дело морков. Они выпустили вирус перед тем, как явиться зачистить мир. Чуждый, непобедимый без электричества и технологий. Мы вернулись в тёмные века.

Я подхватила вирус. Единственная выжила в карантине Челябинска. Врачи, сёстры — все умерли. Я осталась одна в городе-призраке.

Тогда начался мой путь. Я искала выживших. Первым был Фарух. Он умер от заражённой раны, не дойдя до Воронежской области. Мы выбрали бродяг по пути.

Я улыбаюсь, вспоминая Фаруха. Большой азиат с неряшливой бородой и добрым сердцем. Мы мало говорили. Он пережил многое, но умер зимой в лесной хижине, где мы ждали его конца.

Странно думать о нём сейчас. Кажется, прошла вечность. Хотя с его смерти минуло восемь месяцев. Я вела счёт в записной книжке, сгоревшей в посёлке. Время теперь — зыбкое понятие.

По записям, тьма пришла из Норвегии восемнадцать месяцев назад. Пятнадцать месяцев с вестей о войнах. Месяц в карантине. Двенадцать месяцев скитаний в поисках выживших.

Я стараюсь не думать о бабушке с дедушкой, умерших, вероятно, в первые месяцы от вируса. Чтобы выжить, я отпустила их воспоминания.

Мы все станем пеплом, как этот посёлок, смытые дождём

и ветром. Кто вспомнит нас?

Глава 7

Я не думала, что придётся привыкать к свету. Оранжевые отсветы факелов освещают дорогу, но глаза щурятся, слезятся от яркости.

Свет тусклый, едва хватает для пути. Впереди морки несут больше факелов, но здесь, в хвосте армии, света мало.

До Коломны недалеко. Мы идём пару часов, но в тьме время неуловимо. Даже с записной книжкой я угадывала дни и ночи по ощущениям.

Тревога гложет, когда мы входим в город. Пики домов высятся на фоне чёрного неба. Факелы освещают мёртвый город. Лодыжка пылает, я опираюсь на Эвелину, надеясь, что она не даст мне отстать. Её предупреждение пугает — отстающих ждёт страшная участь.

Фёдор Семёнович, видя измученную Эвелину, берёт мою руку, перекидывает через плечо, снимая вес с неё. Эвелина облегчённо выдыхает.

— Спасибо, — бормочу тихо, чтобы охранники не услышали.

Я не хочу внимания. Последнее, что нужно, — показать слабость. Морки могут не ждать, пока я отстану, и вышвырнуть меня.

Думаю о своей группе. Никто бы не помог, не нёс мой вес, чтобы я выжила. Я осталась бы позади.

Это не утешает. Я не знаю, сделала ли бы то же для них. Слишком долго боролась за себя, не за других. Даже в старом мире я была наблюдателем, не действовала.

Всё, что спасает, — эгоизм. Я оставляла людей, как и моя группа. Я не лучше их. Но такие, как я, созданы для этого мира. Удивительно, что Эвелина и Фёдор Семёнович дожили до сих пор.

Всё равно мы скоро умрём.

Эвелина идёт рядом.

— Как боль? — шепчет она.

Я бросаю усталый взгляд.

— Болит, — отвечаю. Глупый вопрос — глупый ответ, как говорила бабушка.

Эвелина улыбается, не замечая моей злости.

— Могу дать таблетки, — говорит она, вонзая в меня чувство вины. — Проверить надо при остановке.

Я кошусь на морков. Им, кажется, плевать на наш шёпот.

— Я бы прописал водочку с мёдом, — говорит Фёдор Семёнович с лукавой улыбкой.

Я вскидываю глаза.

— У вас есть водка? — растерянно спрашиваю.

Он косится, улыбка пляшет на губах.

— Нашёл бутылочки в аэропорту... до них, — кивает на морков. — Припрятал в кармане. Не волнуйся, я врач. Считай, рецепт.

— Вы правда доктор?

Это интереснее водки. Я не пью, не в этом мире.

— Нейрохирург, — отвечает он.

Он не похож на хирурга. Может, из-за рваной одежды, синяков, седых волос и бороды.

— Какие таблетки она дала? — киваю на Эвелину.

Она притворяется оскорблённой, но улыбается. Её жизнерадостность пугает.

— Пенталгин, — смеётся Фёдор Семёнович. — Слабый для твоей лодыжки. В лагере осматриваю. Раньше не было шанса.

— Трудно, когда они такие, — добавляет Эвелина, косясь на темноволосого морка.

Рискованный взгляд. Она меняет тему.

— Чем занималась до этого? — спрашивает она.

Ненавижу этот вопрос. Я не сделала ничего особенного.

— Закончила университет, немного работала, — отвечаю.

Эвелина кивает, глядя на холмистую дорогу. У вершины она ахает, указывая на кирпичное здание. На заборе сидит рыжая кошка, упитанная.

Интересно, что она ест, как выживает. Кошки видят в темноте лучше нас, но мы пережили многих.

— Сколько из девяти жизней она потратила? — бормочет Эвелина.

Её шутка задевает. Хочу думать, что кошка свободна, проживёт долго, а не борется, как мы.

Я молчу, наблюдая за кошкой. Она замечает нас, шерсть

встаёт дыбом, она рычит и убегает в тьму. Я желаю ей удачи.

Мы идём молча. Через час выходим на главную улицу Коломны. Тишина сковывает. Слышны лишь шаги армии. Они бесшумны, опытни, прирождённые убийцы.

Они идут разрушать город. Улица пуста. Я видела брошенные места, но свет факелов создаёт жуткую атмосферу. Оранжевый отсвет падает на пыльные окна и брошенные машины, разбросанные под странными углами. Город эвакуировали в спешке.

Ветер несёт листовки, маски — следы паники. Охранники сжимают круг, мы зажаты, следуя за рекой морков.

Они сдерживают жажду грабежа, но волнение кипит. В посёлке они ждали центра, чтобы атаковать. Интересно, повторят ли тактику.

Взрыв сотрясает воздух. Я падаю. Стрельба. Люди бросаются на землю, закрывая головы. Выстрелы из окон, переулков.

Морки издают боевой клич, разносящийся ветром. В нём радость. Наконец, бой. Вызов.

Я лежу, свернувшись, дрожу. Крики, звон мечей, свист пуль. Шаги гремят. Раздвинув руки, вижу, что охрана ушла в бой.

Морки лазают по стенам, бегут в переулки. Я насчитала десятков людей, стреляющих из окон и углов. Кто знает, сколько ещё прячется?

Выстрелы редют. Перезарядка. Пауза — всё, что нуж-

но моркам. Они врываются в окна, здания, переулки. Крики следуют. Мужчин, женщин. Детей, слава богу, нет.

Битва гремит. Я отталкиваюсь от земли. Стрельба стихла. Смотрю, как факелы летят в окна, разгораются пожары.

Впереди, в пламени, вожак на костлявом скакуне, как всадник апокалипсиса. Чёрная диадема блестит в свете огня. Он наблюдает, как морки разрушают город.

Это не первый их город и не последний. С начала тьмы? После вируса?

Стрельба возобновляется, но реже. Отчаянные выстрелы проигравших. Песня конца света, заглушаемая демонами с мечами.

Люди выбегают из домов. Мужчина прыгает из окна второго этажа, не встаёт. Двое морков с ухмылками вонзают мечи. Кровь брызжет, как в фильме ужасов. Я молю, чтобы это кончилось.

Охранники покинули посты, бросившись в бой. Люди перезаряжают оружие. Морки быстрее, движутся размыто, в миг обрушивая мечи. Слишком много голов катится, слишком много крови.

Я не могу смотреть. Но пленник замечает, что охрана ослабла. Парень лет семнадцати вскакивает, оглядывается, хватая пожилого мужчину — отца? — за плечо. Они шепчутся и бегут.

Я слежу, как они огибают трупы, прячутся за машиной, уворачиваясь от ножей. Лезвия вонзаются в капот.

Охранники гонятся. Они уходят, оставляя нас с двумя. Мой шанс.

Я вскакиваю, бросаюсь через Эвелину, но падаю. Кто-то схватил за лодыжку.

Перевернувшись, киплю от злости. Фёдор Семёнович. Его потрясённое лицо заставляет замолчать. Он качает головой, глаза расширены, беззвучно шепчет: «Нет».

Шанс ушёл. Охранники возвращаются, волоча беглецов. Они бросают их на землю, один достаёт чёрный гибрид кнута и дубинки. Избивают. Кровь растекается. Я отшатываюсь, чтобы не запачкать ботинки.

Не могу смотреть на избитых, отворачиваюсь к Эвелине. Но кровь течёт и от неё. Вздвогнув, хватаю её за плечи, укладываю на спину.

Она сжимает грудь, кровь сочится. Глаза слезятся.

— Фёдор Семёнович! — кричу.

Он моргает, подбегает, отталкивает меня, убирает её руки от раны.

Мой кардиган остался в посёлке. На мне майка и штаны — нечем перевязать. Я тянусь к женщине у ног охранника, за её шарф. Она сопротивляется. Я бью её лбом в нос. Она замирает. Может, я сломала ей нос, но это потом.

Бегу к Эвелине, передаю шарф Фёдору Семёновичу. Он берёт без слов. Футболка Эвелины разорвана до пупка, бюстгальтер прикрывает.

Рана ужасна. Кожа разорвана выше грудины, к ключице,

которая, похоже, раздроблена. Крови много.

Фёдор Семёнович кладёт шарф на её живот, достаёт пинцет и бутылочку водки. Странно носить пинцет вместо еды, но он врач.

Он поливает водкой руки, пинцет. Эвелина тянется ко мне. Я замираю, удивлённая, но беру её руки. Напряжение уходит из неё.

— Всё будет хорошо, — говорю, как положено, когда кто-то истекает кровью.

Она смотрит на беглецов, сдаётся, переводит взгляд на меня.

— Что случилось? — спрашивает, отвлекаясь.

— Пытались сбежать, — отвечаю. Она морщится.

Её руки сжимают мои, пока Фёдор Семёнович копается пинцетом. Я стараюсь не смотреть, но вижу рану краем глаза. Не отворачиваюсь — Эвелина ищет во мне опору.

Почему я? Может, я ближе всех, или она считает нас подругами. Подруги ли мы в этом мире?

Я не могу показать слабость. Если бы я истекала кровью, сила в лице другого дала бы надежду, а не отчаяние.

Вспоминаю Фаруха. Я была с ним до конца. Он был первым выжившим, другом. Но привязанность принесла боль. Если сблизусь с другими, будет больно, когда они умрут. А они умрут.

Фёдор Семёнович прерывает мысли.

— Достал. — Он выбрасывает пулю. Она катится в лужу

крови от избитых. Вот что бывает, когда бежишь.

Он расправляет шарф, затыкает рану прокладкой из кармана. Хоча обыскать его карманы. Перевязывает.

— Вера убьёт за испорченный шарф, — стонет Эвелина.

Я улыбаюсь её духу. Она и правда жизнерадостна.

Её хватка слабеет. Эвелина лежит, закрыв глаза, восстанавливая силы. Скоро пойдём дальше.

Сражающиеся мертвы. Трупы, как мусор, разбросаны по улице. Кровь течёт рекой. Мои штаны, волосы, подбородок в крови. Хочу душ, смыть это.

Смотрю на Фёдора Семёновича. Он глядит на избитых — отца и сына. У них светлые волосы, слабые подбородки, носы с горбинкой. И родинки — три, в полумесяце, как у меня. Холодок по спине.

— Не могу им помочь, — говорит он серьёзно. — Никто не может.

Он думает, я потрясена избиением, а не родинками.

— Почему? — хмурюсь.

— Они бежали, — отвечает он, напоминая, как остановил меня. — Им не помочь.

Я киваю, понимая, смотрю на Эвелину. Она умиротворённая, дышит ровно.

Фёдор Семёнович достаёт пенталгин из её джинсов, кладёт две таблетки в её рот. Она глотает без воды, привычно. Может, глушит не только физическую боль.

Избитые не стонут. Крики битвы стихли. Остался треск

пожаров. Морки тащат факелы по городу.

Охранники пинают нас, тычут мечами. Мы с Фёдором Семёновичем поднимаем Эвелину. С моей лодыжкой и её плечом мы не можем поддерживать друг друга. Он идёт между нами. Морки идут медленно, сжигая город.

Мы хромаем сквозь дым, оставляя пепел и слёзы. Путь к концу света.

Глава 8

Как только мы покинули Коломну, темные морки увели нас вглубь леса. С поляны, где мы остановились, я видела дым, поднимающийся над горящим городом. Оранжевое зарево освещало небо.

Я корила себя за то, что так часто мечтала о свете, который однажды озарит небеса. Теперь этот свет означал разрушение и морков. Они затмили его своей тьмой. «Будь осторожна в своих желаниях», — подумала я.

В этом ярком оранжевом свете мы стояли на поляне. Он проникал даже в самые темные тени среди густых деревьев, где молчаливые морки стерегли нас по периметру.

Я надеялась, что мы разобьем здесь лагерь. Но вместо этого безволосых коней, повозки и обычных лошадей отвели к краям поляны, освободив в центре огромное пространство. Никто не разводил костров и не ставил палаток, хотя я знала, что у нас есть припасы — они лежали на деревянных повозках, запряженных обычными лошадьми.

Мы, пленники, застыли на месте, неподвижные, словно статуи, в легком ветерке, что касался нас. Никто не садился, никто не говорил. На поляне царила гробовая тишина.

Охранники окружали нас со всех сторон, их взгляды были устремлены к началу поляны. Там вождь спешил со своего костлявого коня, а другой морк, в изящных доспехах, вби-

вал деревянный столб во влажную землю. С моего места я едва различала блеск черного металла, врезанного в столб. Крючки, подумала я. Но для чего — не знала.

Пока столб не укрепили и не расчистили вокруг него пространство, никто не пытался разбить лагерь. Лишь вожак стоял рядом, его черные глаза, словно озера пустоты, вызывали у меня озноб даже на расстоянии. Или, возможно, это тишина так давила на меня.

Внутри меня нарастало ледяное предчувствие, что должно случиться нечто ужасное. Какая-то церемония, может быть, человеческое жертвоприношение их темным богам? Мой желудок бурлил, а ноги покалывало от желания бежать. Но я не смела шевельнуться — вокруг стояла целая армия морков.

По поляне прошел шорох, начавшийся с шепота ветра в ветвях. Он завершился, когда вожак поднял подбородок и крикнул, привлекая всеобщее внимание:

— Выводите дезертиров!

Мое сердце ухнуло в пятки.

Я вцепилась ногтями в ладони и медленно обернулась. Охранники поднимали на ноги отца и сына. Те были слишком слабы, чтобы сопротивляться, и безвольно повисли в их руках, пока их несли через поляну к столбу. Я вздрогнула, когда их бросили на землю у ног вожака.

Я оказалась права: должно было случиться нечто ужасное. Но я была рада, что это не касалось меня. Я останусь жива

еще одну ночь. На краю поляны, в безопасности, меня не заметят, если я промолчу о том, что грядет. А когда двух беглецов привязали к столбу за запястья, я поняла: грядет нечто чудовищное.

Эвелина медленно подошла ко мне, держась за плечо. Она была бледна, словно вот-вот потеряет сознание.

— Дагон, — пробормотала она, не отрывая широко раскрытых глаз от столба.

— Что? — переспросила я, бросив на нее встревоженный взгляд.

— Он, — она кивнула в сторону вожака. — Дагон. Его имя. Самый жестокий из всех.

— Он вселяет ужас, — прошептала я. — Я думала, он убьет меня.

Эвелина посмотрела на меня с удивлением.

— Ты его встречала?

Я пожала плечами.

— А ты нет? Когда они проверяли тебя на родинки?

Она покачала головой. Её каштановые волосы качнулись, обнажив уродливые шрамы, змеившиеся по шее. Они напоминали следы от ножа.

— Нет, — тихо ответила она. — Как только они увидели мою руку... — Она замолчала, показав мне ладонь. Я заметила три темные точки на складке между большим и указательным пальцами. — ...меня сразу привели сюда, — добавила она, оглядываясь на других пленников.

Может, морки, схватившие меня, вовсе не собирались вести меня к своему вожаку, Дагону. Может, переулок, по которому они меня тащили, оказался тем, где шел он. Случайность. Ужасающая, но все же случайность.

Я посмотрела на столб, где двух беглецов привязали обычными веревками, продетыми через черные металлические крючки. Они, похоже, были сделаны из того же материала, что и диадема Дагона, мерцавшая темным светом на поляне.

Дагон шагнул к столбу. Даже издали я видела, как дрожь пробежала по телам дезертиров. Мое сердце сжалось от жалости. Но не настолько, чтобы броситься их спасать.

Я не глупа. Их не спасти от злой судьбы, и даже если бы способ был, рискнула бы я жизнью ради них? Нет. Даже с моей слабой волей к жизни я эгоистка. Просто еще одна выжившая, заботящаяся только о себе.

— Чье решение было бежать? — голос Дагона разнесся по поляне. Он обращался не к дезертирам, а ко всем нам.

Он, вероятно, знал, что отец солжет ради сына, взяв вину на себя, хотя на самом деле это мальчик схватил отца и заставил бежать.

Я уставилась на свои ботинки. Я видела все, но не хотела никого выдавать. Не хотела быть причастной к чужой боли. Лучше отвернуться и притвориться, что меня это не касается.

— Мары! — голос Дагона прогремел снова. Я подняла взгляд и увидела, что он и все морки смотрят на нас. — Кто

из вас прольет свет на этих дезертиров? Кто потребует награды и расскажет, что произошло?

Похоже, «мары» — это мы. Возможно, на их языке это значит «человек». Или что-то хуже — вроде «грязь» или «добыча».

Но что бы это ни значило, я не собиралась участвовать. Я снова опустила взгляд на ботинки. Награда или нет, ничто не заставит меня привлечь к себе внимание.

Эвелина толкнула меня локтем. Я вспыхнула от возмущения и бросила на нее яростный взгляд. Что она делает? Один этот толчок мог выдать меня как ту, кто знает о дезертирах. Я не могла поверить, что она так поступила.

— Какого черта? — пробормотала я.

— Если никто не заговорит, — тихо прошипела она, едва шевеля губами, — накажут всех нас.

Я побледнела, словно кровь отхлынула от лица. Дыхание перехватило. Я бросила взгляд на других пленников. Многие выглядели так, будто вот-вот потеряют сознание от страха. Другие оглядывались, словно искали подсказку среди нас.

Им достаточно было посмотреть на меня.

— Я не могу, — прошептала я, глядя на столб.

Дагон на миг задержал на мне взгляд, затем стал поочередно осматривать остальных. Его подозрение, сузившее угольно-черные глаза, было очевидным.

Я не хотела быть виновной в том, что мальчика будут пытаться за попытку сбежать. Не хотела вообще в этом участво-

вать. Но причина моего молчания была иной.

Эвелина сказала, что ее не водили к Дагону, когда схватили. А я из-за какой-то жестокой случайности в переулке теперь чувствовала, как его подозрительный взгляд прожигает меня. Я не хотела привлекать еще больше внимания.

Но у Эвелины были другие планы.

— Прости, Мила, — сказала она громче, чем нужно. Охранники рядом повернули к нам свирепые взгляды. — Но если я не...

Она не договорила, высоко подняв здоровую руку. На поляне воцарилась напряженная тишина.

Дагон склонил голову, глядя на нее, но тут же перевел прищуренные глаза на меня.

— Говори, — приказал он. Его голос без труда разнесся по поляне.

Эвелина опустила руку и виновато посмотрела на меня.

— Мила видела, что произошло. Она не хотела скрывать, Генерал Дагон. Она новенькая и боится.

Я так стиснула зубы, что они едва не раскрошились. Эвелина, возможно, пыталась меня спасти, но я была в ярости. Я с трудом сдержалась, чтобы не ударить ее по раненому плечу.

Дагон смотрел на меня, и его глаза, словно кинжалы, пронзали меня, вырезая все мои секреты. Ледяной холод пробежал по животу, и я заерзала, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Это был мальчик, — тихо сказала я.

Охранник ударил меня по спине.

— Громче, мара!

Я пошатнулась от силы удара, но восстановила равновесие. Боль вспыхнула между лопаток. Стиснув зубы, я проглотила ядовитые слова и подняла голову.

— Мальчик начал, — повторила я громче. — Он схватил мужчину, прежде чем кто-то успел его остановить, и заставил бежать.

Губы Дагона растянулись в жестокой улыбке.

— Никто не может заставить другого что-либо делать, — мрачно возразил он. — У всех есть выбор.

Я не стала спорить. Хотя, стоя здесь, в плену у армии темных морков, я бы поспорила с его бредом. Это не выбор, когда другой вариант — жестокая смерть.

— Эти двое, — объявил Дагон, указав черным ногтем на связанных беглецов, — выбрали дезертирство, зная, что наказание соответствует преступлению. И они будут наказаны.

Морки зашевелились. Из толпы вырвался возбужденный крик, и они ударили кулаками в воздух. Мои плечи напряглись от внезапной жажды крови, охватившей поляну.

Я отступила в толпу пленников, стараясь держаться подальше от Эвелины. Сейчас я хотела быть как можно дальше от нее, чтобы не поддаться искушению ударить ее. Остаться на краю группы помогало мне чувствовать себя незаметной.

Оттуда я наблюдала за кровопролитием. Дагон, не теряя

времени, выхватил кинжал и подошел к столбу. Черное лезвие рассекло воздух и перерезало горло пожилому мужчине. Я не успела отвести взгляд. В один момент он шел к дезертирам, в следующий — сделал резкое движение, и голова человека упала на землю.

Я закрыла лицо руками.

Толпа взорвалась радостными криками, заполнившими поляну.

Дикий вопль мальчика прорезал воздух, словно когти чудовища. Я чувствовала его агонию всем телом.

Его крики продолжались долго, даже после того, как стихли вопли толпы, и долго после смерти его отца. Никто не отвязал тело старика от столба. Его оставили гнить рядом с еще живым сыном.

Сквозь пальцы я видела, как Дагон вытирает кинжал тряпкой. Его взгляд поймал мой, и дрожь пробежала по моему позвоночнику. Я отвернулась.

— Готовьтесь разбить лагерь, — приказал Дагон. Он убрал кинжал за пояс, бросил взгляд на рыдающего мальчика и повернулся к своему коню.

На поляне воцарилась тишина. Я ощутила, как облегчение разлилось по толпе.

Эвелина повернулась ко мне с мрачной улыбкой, но не упомянула, как подставила меня. Она лишь вздохнула с облегчением, словно говоря: «Рада, что это закончилось».

Я бросила на нее хмурый взгляд и села на валун. Не успела

я устроиться, как сильные руки подняли меня.

— Кто, по-твоему, разбивает лагерь? — Фёдор Семёнович слишком крепко сжал мою руку и покачал головой. — Мы не отдыхаем, пока не сделаем работу.

— Работа? — переспросила я, растерянно оглядывая пленников. — Поэтому нас держат?

Он пожал плечами.

— Может, одна из причин.

— Давайте начинать, — сказала Эвелина, вращая здоровым плечом, словно готовясь к тяжелой работе. — Чем скорее закончим, тем скорее поедим. Я умираю с голоду.

Я не могла поверить, что кто-то способен есть после того, как видел отрубленную голову. Но мой желудок забурчал, и я поняла, что, пожалуй, могла бы съесть целого быка.

В этом новом мире нам всем паршиво.

Сначала охранники оставили нас. Но это не значило, что можно сбежать. Новые морки заняли позиции по периметру поляны, скрываясь в тених между деревьями. Свет их факелов не проникал в темноту, и мы не видели, как они растворялись в ней.

Пленники автоматически разделились на группы. Судя по их уверенным шагам и решительным лицам, все знали, что делать. Лишь Вера, девушка с шарфом, стояла одна.

Эвелина хотела пройти мимо меня к группе неподалеку, но остановилась. Ее взгляд был неуверенным. Она нервно теребила руки, не решаясь заговорить после того, как преда-

ла меня.

— Это было необходимо, — тихо сказала она. — Чем дольше ты с нами, тем лучше поймешь.

Я посмотрела на нее холодно.

— Если бы я промолчал, нас бы всех наказали, — продолжила она. — Никакой еды, и нас били бы плетьюми наугад. Ты не знаешь, какие они, — добавила она, оглядываясь на морков.

Большинство из них отдыхали на траве, некоторые снимали тюки с коней.

— Ты думаешь, что знаешь, но это не так. Пока не побудешь с ними.

Мой взгляд оставался ледяным.

Вздыхнув, Эвелина ушла к своей группе. Они направились к деревянным тележкам, запряженным обычными лошадьми, и начали разгружать припасы.

Я посмотрела на остальных пленников. Они уверенно выполняли свои обязанности: ставили палатки, собирали дрова в сопровождении морков, разводили костры, устанавливали котлы и наполняли их консервами и макаронами.

В их действиях был ритм, говоривший, что они делают это уже давно. Интересно, как долго они в плену? Так долго, что рабство убило в них все угрызения совести?

— Ты просто будешь стоять? — раздался ворчливый голос.

Я посмотрела на Веру. Она держала на бедре стопку кор-

зин и прищурилась.

— Я не знаю, что делать, — призналась я.

Ее взгляд был лишен сочувствия.

— Для начала, не стой просто так, — отрезала она.

Она вытащила корзину из стопки и протянула мне.

— Я только что потеряла двух помощников, — сказала она, бросив взгляд на столб. — Ты займешься стиркой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.